

УДК 316.277

АЛЕКСАНДР ШУЛЬГА,

кандидат социологических наук, младший научный сотрудник отдела теории и истории социологии Института социологии НАН Украины

Об использовании термина “феноменологическая социология”: аргументация “за”

Аннотация

Статья посвящена использованию термина “феноменологическая социология”. Автор рассматривает аргументацию ученых, которые выступают за правомерность этого термина. В ходе анализа выделено несколько сходных для приверженцев термина “феноменологическая социология” групп аргументаций, включая попытки найти общие методологические позиции между классиками социологии и феноменологией, обосновать этнометодологию как реализацию феноменологии в социальных науках, а также попытки представить разные “феноменологические” социологии.

Ключевые слова: феноменологическая социология, феноменология, этнометодология

Вступление

Феноменологический подход в социологии до сих пор является одним из незавершенных теоретических проектов. Можно сказать, что главной проблемой этого крупного проекта стало характерное для большинства феноменологов чрезмерное смещение анализа с развития категориально-понятийного аппарата данного подхода, фундаментальных исследований в этой области на специально-социологические или даже на прикладные исследования с использованием феноменологической методологии. Последнее, конечно, можно оправдать стремлением сторонников данной методологии доказать ее жизнеспособность и опровергнуть обвинения в абстрактности, оторванности от социологической практики. Вместе с тем сама феноменологическая методология — далеко не оформившаяся система, которая

с необходимостью требует переосмысления и усовершенствования. Более того, использование самого термина “феноменологическая социология” уже таит в себе некритическое отношение к основным постулатам, принятие их без вопросов, против чего, собственно, и борется феноменологическая методология. В зависимости от отношения к этому вопросу можно выделить два лагеря: те ученые, которые говорят об абсурдности данного термина, о невозможности существования “феноменологической” социологии, и те, кто считает данный термин правомерным. Рассмотрению аргументации сторонников термина “феноменологическая социология” и будет посвящена наша статья. Данная задача тем более важна, что отношение к использованию указанного термина, по сути, является определяющим по отношению к вопросу о взаимосвязях феноменологии и социологии. Можно даже назвать роль данного термина не только методологической, но и, в некоторой степени, мировоззренческой. Забегая наперед, отмечу, что фактически существует два больших лагеря: “англизоязычный” и “немецкоязычный”. Представители первого свободно пользуются термином “феноменологическая социология” и аргументируют его использование, тогда как вторые — в основном его избегают и критикуют.

Если же взглянуть на современную украинскую социологию и использование в ней термина “феноменологическая социология”, то мы увидим полное его доминирование, когда речь идет о релевантном подходе в социологическом теоретизировании. Это подтверждают и публикации по данной тематике¹.

Рискну предположить, что широкое использование термина “феноменологическая социология” сначала в советской, а потом и постсоветской социологии преимущественно основывалось как раз на некритическом восприятии данного термина и, возможно, обуславливалось недостаточным доступом к релевантной литературе: трудам Альфреда Шюца, его ученика Томаса Лукмана, а также иных представителей феноменологического движения, вовлеченных в полемику по данному поводу².

В западной же социологии прошла целая полемика по поводу данного термина. Условно разделив приверженцев использования термина “феноменологическая социология” на несколько групп, в зависимости от логики используемой ими аргументации, рассмотрим их далее в таком ракурсе.

Классики социологии как “протофеноменологи”

Одним из способов оправдать использование термина “феноменологическая социология” является реинтерпретация наследия классиков социологии

¹ Из работ социологов см.: [Бурлачук, 2008], мои предыдущие публикации (напр.: [Шульга, 2007], публикации российских ученых (напр.: [Руткевич, 1990])). Среди работ отечественных философов см.: [Кебуладзе, 2004]. Кроме того, программы релевантных спецкурсов в отечественных университетах и вузах ближнего зарубежья получают название именно “Феноменологическая социология”, а не, к примеру, “Феноменологический подход в социальных науках”.

² Еще одним фактором можно назвать перевод сборника “Новые направления в социологической теории”, включая статью Филипсона “Феноменологическая философия и социология” (см.: [Филипсон, 1978]).

логии и причисление их анализа, по крайней мере, к “протофеноменологическому”.

Самую смелую и, без сомнения, самую спорную попытку подобного рода обоснования осуществил Эдвард Тириахьян. Он последовательно упоминает в данном ключе Макса Вебера и его метод *Verstehen*, который, без сомнения, сильно повлиял на развитие феноменологического направления в социологии, — именно методология М. Вебера наряду с трансцендентальной феноменологией Э. Гуссерля и прагматическим подходом У. Джеймса стала основой для разработки А. Шюцем его “конститутивной феноменологии естественной установки”. Через связь феноменологии и системы Вебера, Тириахьян пытается также найти точки соприкосновения подхода Г. Зиммеля и феноменологического анализа.

“Близость подхода Зиммеля к феноменологическому анализу, — пишет Тириахьян, — очевидна в следующих взаимозависимых элементах его социологии: (а) чистое описание социального феномена, которое (б) редуцирует их к сущностным характеристикам в терминах (с) значимых сущностных компонентов, имеющих несоциальную природу. Зиммель не интересовался эмпиристским, позитивистским подходом, в котором генерализации могут быть сделаны исключительно после тщательно контролируемых экспериментов, но скорее в утонченном прямом “понимании” форм, лежащих в основе множества, на первый взгляд, различных феноменов. Его исследования были преимущественно аисторическими, тем не менее, его методология пересекается с Веберовой, поскольку оба делали первоочередный акцент на субъективной категории *Verstehen*” [Tiryakian, 1965: p. 680].

В таком же духе автор пытается причислить к протофеноменологам и Эмиля Дюркгейма. Эдвард Тириахьян признает, что, на первый взгляд, этот классик относится к позитивизму. Однако на проверку Дюркгеймов анализ довольно близок к феноменологическому. Так, принцип Дюркгейма “рассматривать социальные факты как вещи”, по мнению автора, является аналогией Гуссерлевого лозунга “назад к вещам”. Поясняя свою позицию, Э. Тириахьян указывает, что “заклучение в скобки суждений”, которое, согласно Гуссерлю, только и могло дать валидные данные, является аналогией социологического правила Дюркгейма.

Феноменологический след автор видит и в одном из главных трудов Эмиля Дюркгейма. “Дюркгеймов имплицитно феноменологический подход, раскрывавший следующие один за другим слои социальной реальности, начиная с ее явных проявлений и заканчивая сущностными характеристиками, четко проиллюстрирован в его известной работе “Самоубийство”, — пишет Тириахьян. “Поверхностные” проявления суицида обуславливают его присутствие как социального феномена; эти объективные, количественные факторы впоследствии феноменологически “редуцируются” к лежащим в основе слоям социальной структуры, в которой происходит акт суицида, и, в конечном счете, значение акта укоренено в психологической связи между индивидом и его социальным окружением (которое присуще данному человеку)” [Tiryakian, 1965: p. 681].

Однако указанием на связь систем М. Вебера, Г. Зиммеля или Э. Дюркгейма Тириахьян не ограничивается. К протофеноменологам он относит и Питирима Сорокина, полагая, что анализ П. Сорокина “феноменологический по духу: его акцент на раскрытии смыслов и “редуцировании” макросо-

циокультурных систем к их сущностным характеристикам параллелен Гуссерлевому сосредоточению на интенциональности и редукции феноменов к их сущностным значениям (poemata)” [Tiryakian, 1965: p. 683]. Таким образом, подход П.Сорокина схож с Гуссерлевым анализом и уже упомянутым Дюркгеймовым, и оба подхода могут быть причислены к экзистенциально-феноменологическому подходу.

Наряду с уже упомянутыми классиками социологической мысли, Эдвард Тириакийян считает принадлежащим к феноменологической перспективе еще одного — Талкотта Парсонса. В первую очередь, сюда относится Парсонсова “теория действия”. “Парсонсов феноменологический подход, — полагает Тириакийян, — также очень очевиден в его дискуссии о культуре как относительной системе “значений”, которые не являются свойствами физических объектов, а скорее функцией восприятия. Поэтому в ее основных формах система координат действия является моделью социального существования с акцентом на интересубъективности, самореализации посредством институционального нравственного порядка, “открытости” актора миру, актора как чувствующего существа (а не рационалистического создания). Таким образом, это полностью сходно с концепцией экзистенциальной феноменологии как философского фундамента общей социологической теории” [Tiryakian, 1965: p. 686].

Как уже было сказано в самом начале, подобная попытка приписать классиков социологии к феноменологической традиции вызвала довольно бурную реакцию. Так, Джири Коладжа указывает на некорректность сравнения Гуссерля и Дюркгейма, поскольку “кроме ... схожестей, тем не менее, остается важное различие относительно онтологического статуса феноменов, которые они изучали” [Kolaja, 1966: p. 258].

Немецкий социолог Илья Шрубар попытки Эдварда Тириакийяна и его последователей, которые “с чуть ли имперскими притязаниями объявляли каждого, кто сделал себе имя в социологии с начала столетия, предшественниками “феноменологической” социологии” [Srubar, 1984, p.163], называет “любопытными”, однако не поддерживает подобную аргументацию¹.

Однако еще более резкую критику в адрес концепции Эдварда Тириакийяна мы встречаем у одного из классиков феноменологического подхода в социологии, непосредственного ученика Альфреда Шюца — Питера Бергера. В первую очередь, П.Бергер считает сомнительным существование “экзистенциально-феноменологической традиции”. И еще более сомнительным кажется ему термин “феноменологическая социология”. М.Шелер и К.Мангейм, которых Э.Тириакийян приписывает к ней, по мнению П.Бергера, отошли от феноменологии в своих поздних работах. И в то же время А.Шюц, который действительно применил феноменологию в сфере социологии, упоминается Э.Тириакийяном лишь мельком.

Основной претензией П.Бергера можно считать то, что Э.Тириакийян пытается обосновать “феноменологичность” тех ученых, которые никогда не ассоциировались с феноменологией и в своих методологических подхо-

¹ Единственным автором, который, по мнению и Тириакийяна, и Шрубара, является ярким представителем феноменологической социологии в первой половине века, был Альфред Фиркандт, которого оба ученых называли “феноменологическим социологом par excellence” [Srubar, 1984: p. 179]. См.: [Vierkandt, 1923; 1926].

дах были довольно далеки от нее. И заканчивает свой отзыв на статью Э.Тириакаяна, в которой изложена его концепция экзистенциальной феноменологии и употребляется термин “феноменологическая социология”, П.Бергер довольно едким выводом: “Каждый в сердце своем является экзистенциальным феноменологом и посему претендентом на великий теоретический синтез. Или почти каждый. Кроме некоторых безызвестных “позитивистов”, единственный, кто “вне”, это Фрейд. Интересно почему? Уверен, при помощи Тириакаянового метода толкования можно показать, что Фрейдово либидо “на самом деле” — это феноменологическая интенциональность” [Berger, 1966: p. 260].

В своем ответе на критику (в первую очередь, со стороны П.Бергера) Э.Тириакаян продолжает обосновывать плодотворность своего подхода и необходимость искать феноменологические связи в трудах целого ряда классиков социологии, включая М.Вебера, Э.Дюркгейма и других. “Я могу лишь повторить, — отвечает Тириакаян, — что главной целью моей статьи было показать, что смысловая схожесть может быть найдена в теориях многих социологических персоналий, что эта схожесть может в дальнейшем получить логическое обоснование в широкой перспективе экзистенциальной феноменологии и что такое рассмотрение дает отправную точку на пути к более всесторонней теории социального существования” [Tiryakian, 1966: p. 262].

Очевидно, что участники дискуссии стоят абсолютно на разных методологических позициях и в результате спора каждый остался при своем мнении, ничуть его не изменив.

Еще одним ученым, который много времени уделил отстаиванию “феноменологической социологии”, является Джордж Псатас. В своей книге “Феноменология и социология” [Psathas, 1989] он также причисляет к протофеноменологической традиции многих ученых. Правда, Э.Дюркгейм и П.Сорокин не входят в их число. Вместе с тем при историческом экскурсе в суть вопроса упоминаются имена М.Вебера, чьи работы являются, по мнению Дж.Псатаса, “префеноменологическими”, и Г.Зиммеля, чьи работы характеризуются как феноменологические по методу и духу. Кроме того, ученый называет имена М. Шелера, К.Мангейма, У.Джеймса, Ч.Кули, У.Томаса, Дж.Г.Мида.

Однако, в отличие от Э.Тириакаяна, Дж.Псатас с самого начала подчеркивает, что “имеет целью не “объявить” всех этих мыслителей принадлежащими к феноменологической социологии, но, скорее, показать, что в социальной теории существует богатая традиция рассмотрения проблем, к которым феноменология также обращается” [Psathas, 1989: p. 2].

Дж.Псатас усматривает в феноменологической социологии эвристический потенциал не только для микросоциологического анализа. Феноменологический анализ может быть использован и для изучения социетальных явлений. Применение феноменологического метода в социальных науках, в частности в социологии, подразумевает, по словам Дж.Псатаса, выход за пределы естественной установки и пересмотр всего повседневного опыта. Феноменологическая социология, по мнению Дж.Псатаса, позволяет по-новому взглянуть на проблемы изучения социальной реальности. Важно отметить, что ученый не противопоставляет “феноменологическую социологию” “нормальной”, то есть основывающейся на позитивистской или неопозитивистской методологии в широком смысле данного термина.

Более того, Дж.Псатас убежден, что “феноменологическая социология” с необходимостью должна быть понята и принята социологическим мейнстримом и, таким образом, влиться в “нормальную” социологию, поскольку позволяет значительно расширить познавательные возможности традиционной социологии.

Переформулировка предмета социологии

Еще одной линией аргументации существования “феноменологической социологии” является представление социологии как науки, направленной на понимание повседневной жизни. Один из представителей такого подхода — Джек Дуглас, который всячески подчеркивает, что, в отличие от “абсолютистской социологии”, феноменологическая социология (или, как он утверждает, “феноменологические социологии”) должна заниматься, в первую очередь, изучением повседневных проявлений человеческой деятельности.

При этом важно анализировать их в контексте ситуаций, в которых они происходят, и “понимать” смысл этих феноменов, которым их наделяют сами акторы. “Принцип целостности ситуации, — подчеркивает Дж.Дуглас, — является специфической формой более общего принципа контекстуального определения социальных событий, который различными способами включен во все феноменологические социологии и который многие из них ... приняли как базовый принцип феноменологической социологии” [Douglas, 1970: p. 37].

Именно акцент на изучении феноменов в привязке к ситуации и попытка объяснить “трансситуационность” знания отличают “феноменологические социологии” от “абсолютистских социологий”, к каковым Дж.Дуглас относит, к примеру, структурный функционализм. Более того, разные способы ответа на вопрос ситуационности и трансситуационности отличают “феноменологические” социологии друг от друга¹.

Этнометодология как мост между феноменологией и социологией

Курт Вольфф предлагает свой вариант решения проблемы соотношения феноменологии и социологии. Он не пытается объявить Макса Вебера, Эмиля Дюркгейма и других классиков социологии протофеноменологами. Он также не использует термин “феноменологическая социология”, говоря о возможности объединения феноменологии и социологии. Подходом, который объединяет их, он считает этнометодологию.

В этой связи он особенно выделяет теоретическую систему Альфреда Шюца, который много времени посвятил тому, чтобы показать важность феноменологии Эдмунда Гуссерля для социальных наук в целом и для социологии в частности. В свою очередь, наследие Альфреда Шюца стало основой для разработки системы Гарольда Гарфинкеля, которую тот назвал

¹ Так, говоря о различных версиях феноменологической социологии, Дж.Дуглас отмечает, что наследие А.Шюца следует скорее понимать как философские, а не социологические работы. В то время как этнометодология Гарольда Гарфинкеля относится к “феноменологическим” социологиям.

этнометодологией¹. Поэтому в своей статье “Феноменология и социология” он хотел “представить этнометодологию как развитие феноменологии, особенно Шюцевой, в социологии или социальных науках...” [Wolff, 1978: р. 540].

Отмечу также, что на важную роль работ Гарольда Гарфинкеля указывал и упомянутый выше Эдвард Тириакийян, который утверждал, что, “возможно, социологом, который был наиболее активным в разработке феноменологической социологии, является Гарольд Гарфинкель” [Tiryakian, 1965: р. 678].

В целом толкование этнометодологии в качестве реализации феноменологического проекта в социологии было и остается довольно частым. Однако можно возразить, что проект этнометодологии Г.Гарфинкеля вряд ли можно считать эволюцией “конститутивной феноменологии естественной установки” А.Шюца, особенно, если внимательно рассмотреть акценты анализа, присущие тому и другому ученому.

Попытки классификаций

Среди тех, кто пытается обосновать феноменологическую социологию посредством классификации, можно в первую очередь назвать Хельмута Вагнера. В своей классификации существующих социологических теорий, которые он разбивает на три больших класса (позитивные социологические теории, интерпретативную социологию и ненаучные, или оценочные социальные теории), Х.Вагнер выделяет подкласс “Социальная феноменология”, в котором кроме феноменологической социальной психологии и теории религиозного опыта присутствует “феноменологическая социология”. “Некоторые “символические интеракционисты”, — пишет Х.Вагнер, — также уделяют внимание когнитивным процессам, посредством которых индивид воспринимает и конструирует социальный мир вокруг себя. Инверсия процедуры символического интеракционизма конституирует четвертый вид интерпретативной социологии. Его следует назвать социальной феноменологией.

Данный подход имеет дело с универсальными, по внешнему виду, ментальными формами и процессами сознательного переживания, восприятия и принятия тех аспектов социального универсума человека, которые конституируют не только его “знание” межличностных отношений, но и также “значение” его социального опыта. Центральным для социальной феноменологии является опыт intersубъективности: люди не только взаимодействуют друг с другом, они “понимают” друг друга” [Wagner, 1963: р. 740]. Наиболее ярким представителем данного подхода ученый называет Альфреда Шюца.

Куда более подробной является попытка классификации, предпринятая Джеймсом Хипом и Филипом Ротом. Они начинают свою аргументацию с того, что все попытки уже упомянутого Тириакийяна связать идеи классиков социологии и феноменологическую методологию, а также пред-

¹ Напомним, что, по словам Г.Гарфинкеля, сам термин “этнометодология” был введен им для обозначения изучения повседневных практик социальных акторов, при этом приставка “этно” призвана подчеркнуть, что акторы используют общепризнанное знание сообщества, к которому они принадлежат. См.: [Garfinkel, 1974].

ложенная Дж.Дугласом опора на наследие Э.Гуссерля не являются продуктивными и ведут в неправильном направлении. Более того, “... феноменологическая социология в том смысле, в каком ее воображал Гуссерль, является крайне проблематичной... На самом деле некоторые социологии, которые были названы феноменологическими ближе по духу, если не по букве, к феноменологии, чем соответствующие положения ее основателя. Что отличает эти социологии ... что они *не содержат в себе требования и не претендуют на то, что они являются или же подобны Гуссерлевой феноменологии*” [Heар, Roth, 1973: p. 361].

Ученые выделяют четыре типа феноменологических социологий. При этом они указывают, что данная типология является довольно произвольной.

Первый тип Дж.Хип и Ф.Рот условно причисляют к феноменологическому, поскольку он связан с феноменологически-философским подходом. Для представителей первого типа свойственен примат сознания и субъективного смысла при интерпретации социального действия. Вместе с тем такие проблемы, как интерсубъективность или естественная установка, не рассматриваются представителями первого типа, к которым относятся У. Джеймс, Ч. Кули, Дж.Мид, М. Вебер.

Второй тип, в отличие от первого, уже прямо принадлежит к феноменологии. Социологию, основанную на феноменологии, Дж.Хип и Ф.Рот относят в первую очередь к работам Альфреда Шюца. При этом они признают, что сам Шюц, называл свой подход “конститутивной феноменологией естественной установки”. В фокусе интереса данной социологии: инвариантные структуры жизнемира, системы релевантности, типизации, интерсубъективность и естественная установка. По мнению ученых, второй тип феноменологической социологии (система А. Шюца) был наиболее удачно продолжен в работе П.Бергера и Т. Лукмана “Социальное конструирование реальности” [Berger, Luckmann, 1966] и работе Буркарта Холцнера “Конструирование реальности в обществе” [Holzner, 1968].

Третий тип, который выделяют Дж.Хип и Ф.Рот, также основывается на изучении жизнемира. Однако его эти ученые относят к радикализованной версии рефлексивной социологии А.Гоулднера. Подобно второму типу, в фокусе анализа в третьем типе феноменологической социологии также интерсубъективность и естественная установка. К данному типу относятся работы Дж.О’Нила [O’Neill, 1985], Д.Смита [Smith, 1974] и А.Сикурела [Circourel, 1968], хотя отмечается, что между данными учеными существуют значительные различия.

Четвертый тип феноменологической социологии, по мнению Дж.Хипа и Ф.Рота, составляет этнометодология. Ученые уточняют, что под этим типом подразумевают систему Г.Гарфинкеля. Этнометодология имеет тесную связь как с феноменологией, так и с социологией. При этом ее область изучения отличает ее от обеих. Так, и феноменология, и этнометодология “заключает в скобки” изучаемые ею объекты и таким образом преодолевает естественную установку, некритическое восприятие социального мира. Вместе с тем, как указывают авторы, редукции, осуществляемые феноменологией и этнометодологией, предполагают разные результаты. После редукции для феноменолога изучаемые объекты предстают объектами непосредственно сознания — как результат интенциональных актов сознания, тогда

как для этнометодолога после редукции они сводятся к процедурам интерпретации, “посредством которых этот (социальный. — *А.Ш.*) мир собран и завершен в конкретных, непрерывных социальных ситуациях” [Hepp, Roth, 1973: p. 363].

Таким образом, Дж.Хип и Ф.Рот при обосновании “феноменологической социологии” пошли иным, нежели Э.Тириакаян, путем. Они не причисляют классиков социологии и их подходы к феноменологии. Подобно Дугласу, эти ученые предлагают концепцию не одной, а сразу нескольких феноменологических социологий. Вместе с тем самого Дугласа они критикуют за обращение в своем анализе к трансцендентальной intersубъективности Гуссерля.

Современные попытки интерпретации

До этого рассматривалась в основном аргументация, предложенная в 60–70-е годы прошлого столетия. Из работ, посвященных соотношению феноменологии и социологии, изданных за последнее время, можно выделить монографию Харви Фергюсона “Феноменологическая социология”. Хотя сам автор уже в предисловии к своей работе отмечает, что не пытается представить какое-то радикально новое видение проблемы¹. Так, подобно Э.Тириакаяну, он указывает на родство идей феноменологии и классиков социологии, однако так же, как и Дж.Псатас, не столь категоричен и не пытается причислить их к “протофеноменологам”. Фергюсон ищет точки соприкосновения, общий методологический фундамент феноменологии и подходов известных социологов, пусть и сформулированный при помощи разномысленных концептов².

В целом же аргументация Фергюсона строится на том, что социология и философия дополняют друг друга. Поэтому на социологию необходимо смотреть “философски”, а на философию — “социологически”. При этом философия не является основанием для социологии и наоборот. Фергюсон поясняет это довольно дискуссионное утверждение тем, что общим основанием для социологии и философии является человеческий опыт, из которого обе они произрастают, однако подходят к нему по-разному. Объединение этих двух перспектив и должно принести крайне плодотворные результаты. Что же касается конкретно феноменологии и социологии, то “систематическая взаимосвязь между феноменологией и социологией происходит из их общей направленности на прояснение природы intersубъективности” [Ferguson, 2006: p.83].

¹ “Цель данной работы, — пишет Фергюсон, — на самом деле скромна и не претендует на оригинальность. Это не радикализм новой предлагаемой точки зрения, а свежее рассмотрение устоявшихся позиций” [Ferguson, 2006: p. 13].

² Для К.Маркса и Э.Гуссерля, по его мнению, характерно видение сознания, как “практической реальности”, которая всегда воссоздает себя как нечто чужое; концепция “коллективных представлений” Дюркгейма крайне схожа с понятием “естественная установка”; формальная социология Зиммеля может считаться “эйдетическим” рассмотрением общества; еще больше с феноменологией перекликается социология Вебера, которая становится одним из китов понимающей методологии в социальных науках [Ferguson, 2006: p. 88–90].

Таким образом, Фергюсон делает вывод, что социология и феноменология, имея общий фундамент для изучения, должны объединить свои познавательные возможности. При этом одной из наиболее плодотворных попыток подобного объединения была система Альфреда Шюца, которая в итоге должна была привести к трансформации феноменологии в теорию общества.

Среди сравнительно “недавних” работ, посвященных использованию термина “феноменологическая социология”, также следует выделить статью Ильи Шрубара “О происхождении “феноменологической” социологии” [Srubar, 1984]. Она заслуживает отдельного внимания не только потому, что является одной из немногочисленных современных работ, посвященных данному вопросу, но и благодаря тому способу аргументации, который использует ученый¹. Илья Шрубар не пытается обосновать “феноменологическую социологию” через приписывание классиков к “протофеноменологам” или же попытки классификаций. В своей статье он широко использует познавательные возможности наследия Эдмунда Гуссерля. Анализ Э.Гуссерля был сосредоточен на процессе формирования смыслов и более того, по мнению Шрубара, он указывал на социальность данного процесса. Открытие же жизнемира позволило сформулировать задачу социологии: исследование процессов смыслообразования в повседневной жизни акторов.

“Если социология, — делает вывод И. Шрубар, — в состоянии описать социальную реальность как нечто, всегда имеющее смысловые структуры, тогда она должна исследовать эти структуры. ... Гуссерль намечает путь, акцентируя внимание на том факте, что основа конституирования смысла может быть найдена в повседневной практической реальности жизнемира, то есть в процессе установления акторами в повседневной жизни интересубъективно валидного смысла. Эта взаимная комплементация социологической и философской перспектив содержит истинную основу для внутреннего родства, из которого произросла “феноменологическая” социология” [Srubar, 1984: p. 178].

Аргументация Шрубара вкратце выглядит следующим образом: он определяет социологию как теорию значимого социального действия, которая сосредоточена на исследовании смыслотворческой деятельности, и эту задачу позволяет осуществить использование феноменологической методологии, впервые разработанной Эдмундом Гуссерлем. После него, тремя учеными, которые хотя и не были чистыми социологами, но оказали на социологическую мысль огромное влияние, являются Макс Шелер с его концепцией социального конституирования знания, Гельмут Плеснер с его антропологией и Альфред Шюц с его анализом повседневной жизни [Srubar, 1984: p. 179].

Еще одной из “современных” работ, посвященных возможности “феноменологической социологии”, ее месту в системе общей социологической теории, можно считать статью Грегори Берда “И снова что такое феноменологическая социология?” [Bird, 2009]. Ученый предлагает свою классификацию подходов в определении отношений между социологией и феноменологией. Таких подходов он выделяет пять. “Я нашел пять определенных

¹ Использование Ильей Шрубаром термина “феноменологическая социология” тем более интересно, что он работал в Университете Констанц (Германия), где в свое время также преподавал Томас Лукман — ярый противник использования термина “феноменологическая социология”.

стратегических подходов, — утверждает Г.Берд, — которые происходят из формирующих дебатов в феноменологической социологии: ассимилятивный стратегический подход, корректирующий стратегический подход, адаптивный стратегический подход, интегративный стратегический подход и отстраненный стратегический подход. Эти подходы ранжируются от тех, что открыто концентрируются на институциональных предписаниях, до тех, что более сосредоточены на способе. Другими словами, они ранжируются от текстов, угрожающих социологическому истеблишменту, до старающихся дистанцироваться от него” [Bird, 2009: p. 421].

Итак, первый из подходов он называет “ассимилятивным”. Представителям данного подхода, по мнению Г.Берда, свойственно страстное желание, чтобы “феноменологическая социология” была признана социологическим истеблишментом, так сказать, социологическим мейнстримом. К представителям ассимилятивного подхода он причисляет уже упомянутых Дж.Псатаса, Э.Тириакияна, а также Х.Вагнера.

Второй подход — “адаптивный”, к которому Г.Берд относит Г.Гарфинкеля и Дж.О’Нила. “Адаптивность” их подхода заключается в том, что методологическую практичность феноменологии они ставят превыше дисциплинарных разногласий. Главный аргумент в данном случае: “мы не можем различать занятие социологией и размышление о социологии, потому что мы можем размышлять о социологии только занимаясь ею” [Bird, 2009: p. 430].

В свою очередь, “корректирующий” подход является своеобразной смесью первых двух. По утверждению Грегори Берда, он является наиболее гибким из всех пяти подходов. Именно этим объясняется то, что к нему Г.Берд относит уже упомянутых в первом случае Э.Тириакияна и Х.Вагнера. Однако более интересно то, что к “корректирующему” подходу ученый относит П.Бергера и Т.Лукмана с их “Социальным конструированием реальности”. Он утверждает, что импликацией их работы была неантагонистичность феноменологической социологии и способствование ее признанию социологическим истеблишментом. Это тем более интересно, что П.Бергер и Т.Лукман являются ярыми противниками самой возможности феноменологической социологии¹.

Четвертый подход Г. Берд назвал “интегративным”. Отличительной чертой этого подхода он называет то, что его представители не так ориентированы на социологический истеблишмент, поскольку считают социологию не до конца сформированным, еще открытым проектом. К данному подходу ученый относит, в первую очередь, также ранее упомянутых в нашей статье Дж.Хипа и Ф.Рота, которые говорят о “множественных социологиях”, а также Э.Армстронга, который в своей статье “Феноменологофобия” [Armstrong, 1979] утверждает, что социология является наукой без границ и все еще продолжает свое формирование. Сам же подход назван Г.Бердом “интегративным”, поскольку его представители утверждают, что “феноме-

¹ Здесь я не буду излагать их аргументацию, поскольку подобное рассмотрение заслуживает отдельной статьи. Отметим лишь, что отчасти по причине данного некорректного причисления П.Бергера и Т.Лукмана к адвокатам “феноменологической социологии” статья Г.Берда не была хорошо воспринята среди феноменологов. В личных беседах немецкие представители феноменологического подхода характеризовали эту статью Г.Берда, как “малопрофессиональную”.

нологическая социология” является смесью феноменологической философии и социологии. Таким образом, по мнению Берда, этот подход одновременно разделяет сферы философии и социологии и объединяет их в рамках феноменологической социологии.

И, наконец, к пятому — “отстраненному” — подходу ученый причисляет Х.Вагнера, который, как уже было сказано выше, предпочитает говорить не о “феноменологической социологии”, а о “социальной феноменологии”. По той же причине сюда можно отнести Х.Найсера, который, вместо термина “феноменологическая социология”, говорит о феноменологическом подходе в социальных науках [Neisser, 1959]. Кроме того, к этому подходу Берд относит Мориса Натансона. “Если бы Натансон был “профессиональным” социологом, мы могли бы сказать, что он принадлежит к отстраненному подходу, но он философ, который отстаивает “феноменологию социальных наук”” [Bird, 2009: p. 436]¹. Получается, что к отстраненному подходу Г.Берд относит тех авторов, которые занимаются проблемами “феноменологической” социологии, однако не используют сам этот термин.

Завершает свою попытку классификации Г.Берд утверждением, что так или иначе все упомянутые ученые занимались проблемами “феноменологической социологии”. Он признает, что дисциплинарные и институциональные споры по этому поводу всегда будут вестись в социологии, однако призывает к тому, чтобы они не заслоняли главную задачу ученых — изучение социальных феноменов. Можно подытожить, что для Г. Берда вопрос о правомочности использования термина “феноменологическая социология” ясен и он однозначно выступает “за”. Более того, этот вопрос, по его мнению, должен быть вторичным.

Заключение

Какие же выводы можно сделать из приведенного анализа? Как отмечалось в начале статьи, главной ее целью было рассмотрение аргументации тех ученых, кто пользуется термином “феноменологическая социология”. Этот вопрос тем более важен, что само использование данного термина является индикатором методологической позиции ученого (включая и некрикитическое восприятие).

Мы рассмотрели главные попытки аргументации использования термина “феноменологическая социология”, объединив условно сходные между собой. В первую группу попали попытки найти близкие методологические позиции между классиками социологии и сторонниками феноменологического подхода. Наиболее радикальную попытку в этом ключе осуществил Э.Тириакийян.

Ко второй группе можно причислить тех, кто осуществляет переформулировку предмета социологии согласно феноменологическому углу зрения. Согласно одной версии, переформулировка предмета социологии как науки о повседневной жизни не только отличает “феноменологическую социологию” от традиционной, позитивистской социологии, но и подходы к изучению данного повседневного опыта различают “феноменологические социологии” между собой. Согласно другой версии, феноменологическая социоло-

¹ См.: [Natanson, 1973].

логия направлена на исследование смыслотворческой деятельности и является собой применение наследия Э.Гуссерля для решения социологических проблем.

К третьей группе аргументации можно причислить попытки объявить “феноменологической социологией” систему Г.Гарфинкеля, то есть этнометодологию, которая, по мнению некоторых ученых, является наиболее полным воплощением феноменологического подхода в социальных науках.

К четвертой группе можно отнести социологов, которые пытаются представить свою аргументацию через построение классификаций. Так, Дж.Хип и Ф.Рот очерчивают четыре типа феноменологических социологий в зависимости от акцента анализа — начиная от анализа социальных действий и заканчивая исследованием структур жизни мира. При этом они косвенно пересекаются в своей аргументации с представителями второй и третьей групп, выделяя феноменологические социологии в зависимости от предмета анализа, а также называя в качестве одной из феноменологических социологий проект Г.Гарфинкеля.

Главной проблемой можно определить то, что фактически все академические обсуждения и споры по поводу использования термина “феноменологическая социология” велись в 60-е и 70-е годы прошлого века. Это легко просматривается в годах издания релевантных статей и монографий. Однако окончательный или широко признанный ответ так и не был найден. В последние годы проблематичность данного термина уже не вызывает столь бурных и частых споров. Ученые либо используют данный термин, либо предпочитают избегать его. Сравнительно недавние работы (например, Х.Фергюсона) не привносят какой-либо новой формулировки или свежей аргументации, а являются скорее попыткой подытожить уже имеющиеся точки зрения по данному вопросу (как Г.Берд). В итоге современное англо-американское сообщество социологов преимущественно использует термин “феноменологическая социология”, не особо стесняясь и зачастую уже не обременяя себя тем, чтобы обосновать возможность “феноменологической” социологии (см., напр.: [Aspers, 2009]).

В то же время “континентальная” социология, в первую очередь немецкая, продолжает настаивать на невозможности существования “феноменологической социологии”. На их аргументации следует остановиться в рамках уже отдельной статьи. В завершение же данной подчеркну, что отсутствие дискуссии о методологической возможности и эвристической целесообразности существования “феноменологической социологии” является одним из симптомов того теоретического кризиса, в котором ныне пребывает феноменологическая методология. Ведь проблема теоретического становления и последующего развития категориально-понятийного аппарата феноменологической парадигмы в социальных науках больше не стоит во главе угла даже для преимущественного числа тех, кто причисляет себя к приверженцам феноменологической ориентации.

Источники

Бурлачук В. Интеллектуальные уловки феноменологической социологии / В. Бурлачук // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 4. — С. 97–118.

Кебуладзе В. “Структури життєсвіту” на перетині трансцендентальної феноменології та феноменологічної соціології. Післямова / В. Кебуладзе // Структури життєсвіту / А. Шюц, Т. Лукман. — К. : Укр. центр духов. культури, 2004. — С. 540–548.

Руткевич Е. Феноменологическая социология П. Бергера / Е. Руткевич // Социологические исследования. — 1990. — № 7. — С. 119–127.

Филипсон М. Феноменологическая философия и социология / М. Филипсон // Новые направления в социологической теории. — М. : Прогресс, 1978. — С. 204–217.

Шульга О. Типологія категоріально-поняттєвого апарату феноменологічної соціології / О. Шульга // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2007. — № 4. — С. 119–131.

Armstrong E.G. Phenomenologophobia / E.G. Armstrong // Human Studies. — 1979. — Vol. 2, № 1. — P. 63–75.

Aspers P. The Second Road to Phenomenological Sociology: Socioontology and the Question of Order [Electronic resource] / P. Aspers. — 2009. — Access mode : http://mercatus.org/sites/default/files/publication/WP0942_Phenomenological_Ontology.pdf.

Bentz V.M. Experiments in Husserlian Phenomenological Sociology / V.M. Bentz // Studies in Symbolic Interaction 17: 1995. — P. 133–161.

Berger P. On existential phenomenology and sociology (II) / P. Berger // American Sociological Review 31: 1966. — P. 259–260.

Berger P. The social construction of reality / P. Berger, T. Luckmann. — Garden City; N. Y. : Doubleday, 1966.

Best R.E. New Directions in Sociological Theory? A Critical Note on Phenomenological Sociology and Its Antecedents / R.E. Best // The British Journal of Sociology. — 1975. — Vol. 26. — P. 133–143.

Best R.E. On Phenomenology and “Phenomenological” Sociology. A Reply to Edward G. Armstrong / R.E. Best // The British Journal of Sociology. — 1978. — Vol. 29, № 1. — P. 121–124.

Bird G. What is Phenomenological Sociology Again? / G. Bird // Human Studies. — 2009. — № 39. — P. 419–439.

Bruyn S. The Human Perspective in Sociology / Bruyn S. — N.J. : Prentice Hall Inc, 1966.

Bühl W. Phänomenologische Soziologie / Bühl W. — Konstanz : UVK, 2002.

Circourel A. The social organization of juvenile justice / Circourel A. — N. Y. : John Wiley & Sons, 1968.

Dallmayr F. Phenomenology and social science: an overview and appraisal / F. Dallmayr // Explorations in Phenomenology / in D. Carr, E. Casey (eds.). — Den Haag : Martinus Nijhoff, 1973.

Douglas J. Understanding everyday life / Douglas J. // J. Douglas (ed.). Understanding Everyday Life. — Chicago : Aldine Publishing Company, 1970. — P. 3–44.

Ferguson H. Phenomenological Sociology. Insight and Experience in modern Society / Ferguson H. — London : Thousand Oaks ; New Dehli : Sage Publications, 2006.

Garfinkel H. The Origin of the Term “Ethnomethodology” / Garfinkel H. // R. Turner (ed.). Ethnomethodology. — Selected Readings : Penguin Books, 1974. — P. 16–17.

Heap J.L. On phenomenological sociology / J.L. Heap, Ph.A. Roth // American Sociological Review. — Vol. 38, №3. — 1973. — P. 354–367.

Holzner B. Comments on Heap and Roth “On Phenomenological Sociology” / B. Holzner // American Sociological Review. — 1974. — Vol. 39, № 2. — P. 286–289.

Holzner B. Reality Construction in Society / Holzner B. — Cambridge : Schenkman Publishing Company, Inc, 1968.

Kaufmann F. Methodology of the Social Science / Kaufmann F. — N. Y. : Humanities Press, 1944.

Kolaja J. On existential phenomenology and sociology (I) / J. Kolaja // American Sociological Review. — 1966. — Vol. 31. — P. 258–259.

McLain R. The Postulate of Adequacy: Phenomenological Sociology and the Paradox of Science and Sociality / R. McLain // Human Studies. — 1981. — Vol. 4, № 2, Apr.–Jun. — P. 105–130.

Natanson M. Phenomenology and social sciences / Natanson M. — Northwestern University Press, 1973. — P. 464.

Neisser H.P. The Phenomenological Approach in Social Science / H.P. Neisser // Philosophy and Phenomenological Research. — 1959. — Vol. 20, № 2, Dec. — P. 198–212.

O'Neill J. Phenomenological Sociology / J. O'Neill // Canadian Review of Sociology and Anthropology. — 1985. — № 22. — P. 748–770.

Psathas G. Alfred Schutz's Influence on American Sociologists and Sociology / G. Psathas // Human Studies. — 2004. — Vol. 27, № 1. — P. 1–35.

Psathas G. Phenomenology and Sociology / G. Psathas // Theory and Research. — Washington (D.C.): Center for Advanced Research in Phenomenology & University Press of America, 1989.

Rafky D.M. Phenomenology and Socialization: Some Comments on the Assumptions Underlying Socialization Theory / D.M. Rafky // Sociology of Religion. — 1971. — Vol. 32, № 1. — P. 7–20.

Review Sociology, Ethnomethodology, and Experience: A Phenomenological Critique / by Mary F. Rogers Review by: Helmut R. Wagner // Social Forces. — 1985. — Vol. 64, № 2. — P. 518–519.

Smith D.E. The social construction of documentary reality / D.E. Smith // Sociological Inquiry. — 1974. — № 44 (4). — P. 257–268.

Srubar I. On the Origin of “Phenomenological” Sociology / I. Srubar // Human Studies. — 1984. — № 7. — P. 163–189.

Srubar I. Phänomenologie und soziologische Theorie / Srubar I. — Konstanz: VS-Verlag für Sozialwissenschaften, 2007.

Tiryakian E. Existential Phenomenology and the Sociological Tradition / E. Tiryakian // American Sociological Review. — 1965. — Vol. 30, № 5, Oct. — P. 674–688.

Tiryakian E.A. Reply to Kolaja and Berger / E.A. Tiryakian // American Sociological Review. — 1966. — Vol. 31. — P. 260–264.

Vierkandt A. Die Überwindung des Positivismus in der deutschen Soziologie der Gegenwart / A. Vierkandt // Jahrbuch für Soziologie. — 1926. — № 2. — S. 66–90.

Vierkandt A. Gesellschaftslehre: Hauptprobleme der philosophischen Soziologie / Vierkandt A. — Stuttgart: Enke, 1923.

Wagner H.R. Phenomenology and contemporary sociological theory: The contribution of Alfred Schutz / H.R. Wagner // Sociological Focus. — 1969. — P. 73–86.

Wagner H.R. Sociologists of phenomenological orientations: Their place in American sociology / H.R. Wagner // The American Sociologist. — 1975. — № 10. — P. 179–186.

Wagner H.R. The influence of German phenomenology on American sociology / H.R. Wagner // The Annals of Phenomenological Sociology. — 1976. — № 1. — P. 1–29.

Wagner H.R. The scope of phenomenological sociology: Considerations and suggestions / H.R. Wagner // Phenomenological sociology: Issues and applications / in G. Psathas (ed.). — N. Y.: John Wiley & Sons, 1973. — P. 61–87.

Wagner H.R. Types of Sociological Theory: Toward a System of Classification / H.R. Wagner // American Sociological Review. — 1963. — P. 735–742.

Wolff K.H. Phenomenology and sociology / Wolff K.H. // A history of sociological analysis / in T. Bottomore, R. Nisbet (Eds.). — N. Y.: Basic Books, 1978. — P. 499–556.